

M.LUNN

КРАСЫЕ
МЕДЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Матвей Лунн

Красные кеды

<https://litres.ru/74047408>

SelfPub; 2026

Аннотация

Максим был уверен, что знает, что такое любовь. Пока не встретил Еву.

Она появилась в его жизни внезапно — яркая, свободная, странная. Девушка с красными кедами, бесконечными историями и взглядом, в котором хотелось раствориться навсегда. Рядом с ней мир становился живым, а всё остальное теряло значение.

Но любовь умеет менять людей.

Постепенно Максим замечает, что границы между восхищением и одержимостью становятся всё тоньше, а привычные представления о добре, зле и справедливости начинают расплываться. Ева открывает ему мир, который существует по собственным правилам, и чем глубже он погружается в него, тем труднее понять, где заканчивается сказка и начинается кошмар.

«Красные кеды» — мрачный психологический роман о любви, свободе, внутренних демонах и цене, которую человек готов заплатить за право быть рядом с тем, кого считает смыслом своей жизни.

Матвей Лунн

Красные кеды

«Я напишу новую сказку, Где я – в роли рыцаря Буду спасать драконов

От таких принцесс как ты.»

Макаев 17. 07

Введение

Городок наш стар и забыт, но даже в таком месте всегда есть место настоящим чувствам. Я всегда так думал, в очередной раз смотря из окон таких мило одинаковых домов, в которых меня старались приютить. Да, в этих домах есть люди, у них есть мечты, но куда они их приведут? И смогут ли привести, ведь путь к общепринятому счастью и так сам по себе тернист, а тут еще угораздило их появиться на свет в столь странном от старости и тоски месте.

Таким человеком был и я, только мечты мои были немного выше, чем просто покупка автомобиля, квартиры и прочих шалостей в угоду удобства. Я хотел, как минимум, весь мир уместить в свою скромную душу. Я всю жизнь мечтал видеть в зеркале не просто неприглядного, скудно-сложенного мальчика Максима, а как минимум Макса Велико-го! Человека с большой буквы. Высшего существа, которому

дозволено вершить исход мира, задавать темп развития вселенной, ну или как минимум создать из себя нечто большее, чем просто человек.

Когда-нибудь я обязательно стану тем, каким жажду быть больше всего на свете, но, а пока я красуюсь, смотрясь в зеркало, встроенное в старый «бабушкин»

шкаф. Показатели определённо есть, скрывать не стану. Высок, даже чересчур. Плечи расправлены, лопатки практически внахлёт. Многие завистники скажут, что я тощий, но я строен. Торчащие рёбра скрыты под старым свитером стального цвета и бесформенным пальто. Сильно вытянутые руки, плоские, вечно холодные ладони с длинными пальцами – всё это определённо дополняет мой образ.

До боли знакомое тело в зеркале изучают мои желтые глаза. Я улыбнулся сам себе. Хотя со стороны это было больше похоже на оскал, чтобы прогнать призраков из зеркала. Зубы со вчера так и не выровнялись – все такие же кривые. Будто скидывая с себя последние оковы сна привычно тряхну головой. Волосы щекочут моё лицо – сделаю зачёс назад. Может и сделал бы себе модную причёску, если бы не боялся парикмахеров. Когда я маленький был мне отец кусочек уха отрезал, пока меня стриг. А вывод прост – никогда не стригите своих детей, будучи в хламину пьяным, тут и к гадалке не ходи – идея плохая. Благо до конца не смог дорезать, но шрам остался на всю жизнь, как напоминание о том, что ко-

гда-то давным-давно я был слаб и беззащитен.

Но теперь всё изменится, ведь со мной – она! Моё счастье, то самое волшебство в реальном мире, которое никто не замечает. А я вот заметил. Люди глупы и наивны, ведь настоящая магия перестаёт быть магией, когда на неё всем плевать. Видимо это и стало когда-то зачатком моей будущей великой силы. Тогда, когда в толпе я смог разглядеть мою любовь.

1

Она была воплощением всего самого злого и, одновременно, вдохновляющего. С годами я стал забывать, что зла не существует, но к счастью узнал, что есть она. У неё даже было имя, что отзвуком тоски звучало в моей черепной коробке раз за разом при попытке подумать о ней. Каждая из трёх букв отстукивалась праздною болью в висках. Это создание звали Ева.

Первая в моей вселенной. Она была вечной для меня, бесконечно надёжной и близкой. Даже, иногда, моей.

Странно и страшно представить, что в какой-то момент её душа стала мне ближе, чем любая другая во всём мире. Даже если я был далеко – она была рядом, я всё делал для этого, не отпускал её ни на секунду от себя, и сам был рядом, будто пёс.

Я всегда мог ей позвонить, что бы ни произошло. Казалось бы – простой звонок, чего такого? Но её сладкий голос

вытаскивал меня из любой ямы, в которую я попадал изо дня в день. Она была рядом даже тогда, когда меня любили другие. Умудрялась брать трубку тогда, когда никто не хотел брать её, и о да! Она была чем-то великолепным. Её грация, строгость, злость к миру, безумие и, одновременно с этим, необыкновенная доброта и забота были хоть и странны, но в то же время максимально искренни. Ведь нет ничего более честного, чем злость.

Стиль её шага напоминал мне болезненную пульсацию в голове, когда просыпаешься с похмелья и кто-то изнутри будто бьёт тебя маленькой битой по вискам. Стиль её одежды говорил мне, что она никто иной, как палач, пришедший за моей, уже порядком сгнившей, душой. Я буду долго думать о ней. Ева была прекрасна в любом образе. Она любила пальто в пол и мои руки на нём. В любом платье – словно в наготе, неотразима!

Весьма и весьма странно-волшебный человечек, что пришёл в мою жизнь и превратил меня из мужчины в щенка, способного лишь искать помощи. Щенка, что не умел говорить и понимал только чувства. Увы, она терпеть не могла шумные вечеринки, а я с ума сходил, потому-то не мог позволить себе праздности рядом с ней. А иногда наоборот, погружалась с головой в пучину летящих событий на очередной тусовке, и лови её теперь, скрипя зубами на каждом шагу. Как щенок скрипел, всегда, ища помощи в её действиях,

но из раза в раз получая компромисс.

Невозможно было наблюдать за взглядами, ползающими как тараканы по её тонкой фигуре. Вроде и горд должен быть, что со мной она, вся такая, собранная из лучших черт, которыми только может обладать женщина, а вроде и хочется встать посреди этого банкета и громко-громко прокричать «Хватит!». В такие моменты всегда Ева грустила, не хотела она моей ревности. Видимо я сам себе всё это выдумал. Слишком нежен и прекрасен был образ её в моей голове, чтобы быть правдой. Но вот снова и опять, трогая её за руку понимаю, что реальна она, либо сон вокруг меня слишком затянулся. Она реальна, и мы принадлежим друг другу.

Пряча ото всех своё великолепие под одеждой Ева наряжалась всегда как новогодняя ёлочка, что, несомненно, пугало и завораживало меня одновременно. Будь я учёным в области Евоведения, я бы обязательно смог прочитывать её настроение по новым платьям и ошейникам, но, к счастью, я наблюдатель, а потому просто ждал чуда и любовался.

Она любила прерывать молчание своим голосом. Она любила петь в подвалах богатых домов, окутывая своим вечерним томным голосом повседневную тоску, словно старуху в новые шали. В какой-то момент её тихое пение переливалось в чудесное звонкое перекрикивание с окружающим её миром. И она кричала первой, да так сильно, что я и не думал прервать этот чудесный миг.

И даже когда я был в ином, обычном мире, она брала меня

за шкурку и вытаскивала оттуда. Что бы ни происходило за окном – это меркло, моментально гасло под её ладонью на моей небритой щеке. Она была рядом со мной, когда я был забыт всеми. Отвергнутый вселенной, но любим её тенью. Красив и свеж снаружи, но стар и вреден внутри. Благодаря этому, каждый день я мокрый от ледяного дождя жду её на улице, пусть даже на небе ни облачка.

Казалось бы, я должен быть счастлив. Ведь я спокоен, что со мной она. Всегда думал, что во внутреннем спокойствии и есть счастье, но это было отнюдь не так. С какой скоростью она делала меня спокойным и счастливым, с такой же расшатывала мою нервную систему и избивала арматурой моего беззащитного внутреннего ребёнка. Но даже в этом, чёрт побери, она была великолепна! В какой-то момент арматура превратилась в волшебную палочку, которой она, как мне казалось, излечивала меня. Кожа моего ребёнка огрубела, удары уже чувствовались как ласки, о которых я не смел и мечтать. Мой ребёнок вопил от счастья и боли.

Я прошу тебя, прости, Ева. Прости за всё, что я сделал тебе вчера, делаю сейчас и сделаю в будущем. По сей день, смотря на тебя моя голова невольно вжимается в плечи, пытаюсь хоть на мгновение представить то тепло твоих объятий, а руки мои трясутся в невыносимой боли, что они не могут снова запутаться в родных, чёрных как смоль волосах. Я точно знаю, ты сейчас читаешь это. Именно ты, по ту сторону этой бумажки, запачканной моими мыслями. Это моя

записка тебе и миру, и пишу я её, пока тараканы в моей голове, что ещё помнят милое мне лицо, окончательно не разбежались и я не стал обычным слюнтяем. Хлюпиком, которым был до встречи с тобой. Пока я помню те мгновения – я счастлив в собственном безумстве. В этой записке я прошу меня простить. Всё то, что мы натворили... Не могу я это больше держать в себе. Не могу более. Это последняя ода моей мечте и нашим радостям. Знала бы она, как я был счастлив отражаться в её глазах. Каждая секунда в этом омуте была прекрасна.

Первые буквы этой записки родились, когда я был практически мертв. Почти конец, вот он, финал. В предсмертной агонии, поверь мне, Ева, горизонт планирования сужается до трёх-пяти секунд, и даже эти последние мгновения своей жизни я решил посвятить тебе. В предсмертной агонии уже не важно, кто, кому и сколько всего сделал, важно лишь слово, последнее слово, которое ты скажешь умирающему миру. Ведь по сути своей смерть – это лишь конец срока службы твоего тела. А в твоём теле есть дурацкий мозг, который и создал иллюзию мира вокруг тебя. На рубиконе последнего горизонта событий понимаешь, что весь мир – лишь чушь, созданная любимым Богом, то есть тобой. А раз весь мир – просто оригами, собираемое твоими чувствами и мыслями всю жизнь, то из кучи бумаги вокруг я решил выбрать ту, на которой нарисовано твоё милое лицо. Я решил рассказать о тебе всем тем, кто забыл, что же это такое – по-настоящему

жить. Пусть знает каждый – среди тысячи выдуманных мной событий и поступков я всё же создал что-то действительно прекрасное – твой образ.

2

К слову, Ева была далеко не первой моей любовью. Даже первая любовь – всегда и у всех разная.

Каждый знает, что такое любовь. Эта ваша религия, безбожна, сумасбродна и непредсказуема. Есть определённые различия, как я считаю, между наивной и прекрасно чистой детской любовью, и той самой, «взрослой любовью», где наивность превращается в «жонглирование бензопилами». Для начала о первой наивной любви, в которой ты готов полностью отдать всё, что есть. Как и обычно бывает в этом возрасте – этого и всем вокруг мало, а для тебя это бесконечно много. Отдать всего себя и самую любимую игрушку, лишь бы снова почувствовать запах её лёгких фруктовых духов. Это то прекрасное чувство, когда стараешься отвести от неё взгляд, но не выходит. У меня был такой человек. Её звали Аля. Когда у нас были занятия, я садился на парту впереди, чтобы в отражении наручных часов видеть милое мне лицо, делая вид, будто опираюсь головой на руку. Как бы случайно, проходя мимо, задеть тыльной стороной руки её руку, на доли секунды почувствовав тепло любимого мной тела. И даже в моей скромной голове постоянно мысли

пахли её духами. В этих эмоциях ты начинаешь тонуть, все глубже и глубже. И самое страшное для тебя то, что в этом, столь юном возрасте ты ничего не можешь сделать, а любые попытки поговорить, приблизиться или, хотя бы поговорить наедине порицаются обществом голодных до злости детей. И на протяжении долгих лет этот негреющий жар внутри сводил с ума, не давая покоя. Говорят, что человеку нужен человек, но для счастья тогда мне было достаточно лишь её тени. Это как отношения, которые росли и крепили лет шесть-семь, а после рухнули, оставив после себя крутую дружбу. Кто-бы что не говорил, а так бывает. Ты просто желаешь этому человеку счастья. Всего самого хорошего. Не важно уже даже, с тобой или без тебя. Просто чтобы этот человечек был счастлив. Ну и поболтать можно, иногда, потрепать за ухо нервы и прошлое. Схожим образом я относился и к ней. Подетски любя, желал счастья ей, ходил за ней и наблюдал, но не трогал. Боялся её голоса, боялся отказа и боялся того, что больше так и не смогу посмотреть на неё в отражении своих наручных часов. В итоге все закончилось весьма плачевно, я её забыл, а она меня и не помнила никогда. Я вспомнил о ней, когда увидел Еву. Что-то в ней было такое, что я всегда мечтал видеть в девушке. Что-то такое, что давно искал, но в то же время, образ идеала в моей голове, что складывался годами, она растоптала, не думая о последствиях. Растоптала и сразу же встала на его место. И теперь, кажется, кроме как о ней я и думать-то ни о чём не могу.

Увидев её впервые, я строго решил для себя, что больше никогда не дам слабину. Во что бы то ни стало я уничтожу слюнтяя Максима, в угоду создания великого завтра, в котором я неотразим.

3

Ева не умела ничего спрашивать, а я охотно отвечал на её немые вопросы. Она обожала то, чем занималась, просыпаясь по утрам. Она любила себя. Перед сном, ложилась в самую мягкую кровать во вселенной, с нетерпением ожидая просмотра нового красочного сна, который на утро обязательно расскажет мне. Каждый её сон – будто книга Артура Кларка, потрясающе фантастичен, и рассказывая его Ева на несколько минут отправляла меня в новый мир, полный выдуманных, как и все вокруг, персонажей. Ведь все вокруг нас точно выдуманные, глупые канистры с кровью и костями, в которых нет и намёка на человеческое.

Она любила всё то, что исходило из нее. И даже на её столе стояло её собственное фото. Возможно, со стороны это и казалось странным, но рядом с ней всё странное становилось будто бы правильным и нужным. Находясь в её комнате, я был полностью уверен, что эта фотография необходима здесь хотя бы для того, чтобы смотреть на меня счастливым взглядом каждый раз, когда я захожу в комнату. Мой мозг мысленно уже прикрутил рамку с фотографией взгляда

к столу, чтобы никто случайно не тронул, не украл и даже не отвернул от меня этот взгляд. Он должен быть тут, и я это понимал. На фотографии кроме взгляда была улыбка. Ева умела улыбаться, пусть изредка, но искренне, от чего ценность увидеть её беленькие зубки во время заливистого смеха возрастала во сто крат. Особенно ценна была её улыбка, когда она видела, как я иду к ней с автобусной остановки, будто выходя не из замученного жизнью старинного шифоньера на колёсах, а из новенького спорткара. А я представлял, как мы с ней сядем вместе сейчас в этот спорткар и умчим далеко-далеко. Туда, где никто не нарушит звон её голоса.

Но это было не так. Я так и оставался забулдыгой, выходящим из старого, разваливающегося автобуса. И она была всё равно рада мне, по какой-то неизвестной мне причине. Казалось я был никем для всех в этом мире. У каждого были свои проблемы, свои трудности и свои мысли. Каждый был сам с собой, но не она. Я явно чувствовал, что являюсь частичкой этого человека, как и она моей. Для неё в данную секунду вышел не я, а принц, всего лишь один из тысячи, но тот, что соткан был специально для неё. Тогда я и был тем самым пресловутым «принцем». Грязным, прогорклым, как старая кваша, но всё ещё прекрасным. И когда она едва меня замечала вдалеке, то тут же бежала ко мне. Бежала сломя голову и спотыкаясь, потом прыгала на меня, повиснув на моей тощей, юной шее. Она пахла цитрусами и свежестью, как полевая трава с мандариновой цедрой. Запах её духов витал

в воздухе, когда я был рядом. Мне казалось, будто это новый вид атмосферы. Той самой, без которой я уже не смогу жить. Это нечто иное, примерно, как новый воздух. В обычной атмосфере я уже начинал задыхаться, а в аромате её духов, будто в море, я плыл. В море, в котором утонуть – это не трагедия, а недостижимое чудо.

Ева отлично точила ножики. Исключительно по причине любви к своему отражению полировала их после заточки до зеркального блеска. Добывать красную краску из людей легче наточенным ножиком. А ножик-то хороший, с гордой надписью «Беркут» на пере. Ева мне, по какой-то причине, любила рассказывать, что этим самым ножиком был нагло зарезан её друг Егор. Ножик был хороший, и оставлять его в качестве улики было бы очень жалко, поэтому Ева решила его забрать из того дома в память о добром друге. После Егора этот ножик стал её другом и верным союзником. Вместе с другом-ножиком она умирляла безвольных людей. Как будто сталь ножа просила ее срезать уши жертвам, или рукоять мерзким хриплым голоском умоляла: «Сожми меня покрепче да выбей мной зубы этому уроду». Эх, не знаю. Знаю только то, что любовь моя к ней быстро сменила во мне понятия хорошего и плохого, выставив её интересы и страсти вперед моих страхов и надежд.

Она умела создавать волшебство. Она умела сделать все так, чтобы я после миллиона секунд страданий улыбался как ребёнок, достаточно было лишь того, чтобы она показала

свою сострадательность в улыбке и обняла меня. И тогда я обнимал её, будто самую хрупкую игрушку на планете, боясь сломать. Если бы мои пальцы могли помнить всего одно чувство, то я бы сказал им запомнить, каково было на ощупь её крохотное коричневое пальто.

Однажды я решил, что делить с ней одну жизнь могу только я. Проклинайте людей вокруг, мои мысли! Проклинайте, ведь они недостойны этого мира. А раз недостойны - значит сломлены. А если сломлены – значит мертвы. Не получается смерть? Тогда мы тебе поможем.

4

Странно в ней было и то, что у неё всегда не доставало в причёске одного локона. Как будто кто-то слишком смелый просто срезал его. Совсем недавно.

В голове её кеды и их ядовито-красный цвет. Они были повсюду, ведь моя Ева любила этот цвет. Она была великолепна даже когда смывала этот цвет со своих тоненьких ручек. А еще больше она любила техничность и тактичность, она и сама такой была. Моя Ева любила продумать всё, даже самые незначительные пустяки, забыв продумать лишь страсть, что охватывала её из раза в раз. Страсть ко всему, в том числе и к окрашиванию своих кед в красный. А ведь они такими никогда не были. Они белые ведь...

И только я начинал думать об этом, то сразу же получал

хлётский удар её губами по моим губам. Удар вырубал окончательно и уничтожал всё вокруг, кроме этих губ.

Благодаря этим ударам я даже и не заметил, как стал жить её жизнью. Уже прошло немало времени, как я превратился в частичку бытности моей Евы, став её незаменимой частью. То груб и сер, то весел и чист, копирую настроение Евы, сам этого не понимая. Если она улыбалась – расплывался в улыбке и я, а если грустила – я не находил себе места. Перестал пить чай с сахаром, почти бросил курить, полюбил драться за неё, совсем разучился говорить, и даже перестал носить ботинки и купил себе кеды, правда, зелёные.

Убивать людей стало привычкой, а красить кеды в красный цвет – невинное хобби, ограниченное лишь порывами её страсти.

Наш маленький городок всегда гордился смертью. По новостям показывали маньяков, рассказывали о них. Это были самые интересные передачи. Дурацкие сериалы про любовь всем надоели, а пощекотать нервы никогда не было лишним. Да и плюс к тому – всегда ведь интересно – что такое эти ваши маньяки. Что ими движет? Как они на это решились? Надо быть достаточно смелым, чтобы вот так выставлять свои фетиши наружу. И насколько надо быть глупым, чтобы погубить чью-то судьбу ради самоудовлетворения? Вот так наш город и жил: на программах про маньяков, домашнем насилии да дешёвой водке.

Если честно, то я всегда мечтал оказаться главным героем

этих новостей. В мире моём и моих друзей самые худшие и подлые поступки были романтизированы. Никто не любил творцов, художников, поэтов. Все любили маньяков со злым лицом, смотрящим на тебя с фоторобота на экране телевизора. Все любили солдат, ведь они имеют право убивать людей, которых другие, более «важные» люди называли плохими. Все любят мафию, ведь эти костюмчики им так идут. Вот и я не выделялся, соткал свой мир из волокон ненависти и эстетики злодея. А моя Ева пришла, чтобы подарить мне свободу в моих мыслях. Принесла с собой свободу, которой я так жаждал и боялся.

Каждое новое красное пятно на моих кедах было прекрасным пятном свободы моих действий и мыслей. Мерзким, шершавым, с каждым днём немного темнеющим пятном. Какую бы ересь она не несла, какую бы чушь не порола и бред не вливала мне в уши, каждый раз после нашего разговора у меня есть стойкое чувство, что за этот бред я с радостью развяжу войну. Ещё и всех вас, картонных идиотов, подговорю. Вот так вот. Никаких глупых рассказов, никаких прелюдий, никаких скомканностей. С Евой только нефильТРованная страсть, алкогольный кайф, строгий взрослый петтинг и диалоги о главном. Причём любые! Представляете – она меня слышит. Всё, что я ни скажу, будь то масонские теории или мой кураж после просмотра нового выпуска «Квартирного вопроса» - что угодно!

Она ощущается совершенно не как девушка для отноше-

ний и поцелуев в метро. Я чувствую себя полностью в её владении, и, одновременно то, что я сам обладаю ей до самых кончиков.

5

С радостью погружаясь в дебри ежедневных скидок, Ева добывала то, что ей так сильно шло. Рядом с ней осень пахла ветром, а её волосы меняли цвет в зависимости от цвета листвы, опавшей с деревьев. Волосы были то желтые, в начале осени, то черные в конце. А в октябре они могли быть рыжие, и таковыми могли остаться зимой, в память о лучшем времени года

- времени прохлады, времени ветра и времени, когда мы только узнали о существовании друг друга. Но неизменно было лишь одно – пустое место в прическе, будто срезанное ножницами. Станный выбор прически, кажется, должен ей о чём-то напоминать постоянно.

Ева и была моим ветром, той самой стихией, что способна подарить прохладу в жару, раздуть огонь или в порыве прекрасного буйства свалить наповал столетнее дерево. Разрушить небольшой городок или чью-то жизнь? Легко! Она могла сделать что хочет, в угоду подавления собственной скуки. Ева была прекрасна. Любима всеми и никем. У подруг была она, а у неё подруг и не было. Она предпочитала смеяться над прекрасными чернейшими шутками про самые ужасные

вещи. Та вещь, от которой любого воротит, её вдохновляла, или же смешила.

Такая спокойная и нежная, но такая колючая внутри. Ева была будто создана из взбитых сливок и иголок, направленных внутрь её тела. Этими иглами она не колола других, а жалила себя. Никто не видел этих игл, так как Ева тщательно скрывала их ото всех под огромным слоем неженской мужественности, не отпуская ни на секунду своё очарование, ведь она могла выйти в некий метафизический бой с любым мужчиной и с лёгкостью победить, но она выбрала меня. Ева стала той для меня, чьё фото я счастлив был бы носить с собой каждый день, на протяжении всей жизни. В маленьком кармашке джинс – маленькое фото, а в большом – большое, как в той шутке.

Пусть она не рядом, но со мной. Даже сейчас фото лежит у меня в рюкзаке. Возможно это ненормально, но мне с ним спокойнее. Думая о том, что прямо сейчас в моём рюкзаке есть её изображение, мне становится гораздо спокойнее, чем минуту назад. Я люблю её также, как и она себя.

К слову, больше себя Ева любила лишь свободу. Она любила свой внутренний мир, и плакала, когда в него вторгались без спросу. Она ненавидела, когда её душу рвало слезами, хоть и привыкла к этому. Она не проронила бы ни слезинки, получи открытый перелом, но тронь её душу, и моя Ева погибнет в муках. Она могла упасть, и даже разбиться насмерть, но ради чувства полёта готова была идти на риски.

Каждый день Ева боролась с внешним, жестоким миром, пытаясь, как в шахматной партии, защитить королеву внутри себя. И ей это удавалось. Видно было, что она с огромным трудом, но старалась. Из последних сил, но она берегла себя. Ей было слишком дорого то создание, что пряталось за её небесными глазами. Там, где у обычного человека бывает душа, которая редко напоминает нечто большее обычной ветхой постройки – у неё был огромный замок, переполненный всяческими конструкциями, от монструозно-огромных башен – до крохотных домиков, в которых жила её повседневная скука. И свой замок Ева с упоением строила ежедневно, каждый день добавляя по одному кирпичику. Кирпичики были то злые красные, то угрюмые серые, то счастливые жёлтые. Какие-то были уже старые и потрескавшиеся, какие-то новенькие и прекрасные, но любила она их одинаково, как ребёнок любит свою мать, или как художник свою жертву. Она защищала и оберегала их, боясь упустить что-то важное. Она обожала проводить каждую свободную секундочку в этом замке. Ева умела как любить, так и ненавидеть. Она и научила меня этому. Я узнал, будучи рядом с ней, какого это, ненавидеть всё, что не относится ко мне. Ненавидеть всё то, о чём я ещё не имею понятия. Это была тоже своего рода защита, ведь глядя правде в глаза – зачем искать сложный путь, если всё, что нужно для жизни и так есть? Зачем спотыкаться о новое ещё раз, когда можно просто возненавидеть, будь то вещи или люди. Ах да, люди.

Ева рассказала мне, что все вокруг плохие. Она всегда была уверена, что в мире нет злобы, но очень много стоеросовой глупости. Она показала мне планету, в которой существовал только я и то, что мне дорого. Планета была прекрасна и любима только мной. Эта планета была со мной, хоть я и долго не мог её принять. Это была лично моя планета, и лишь я выбирал на ней погоду.

Все вокруг говорили мне, что я зол и глуп. Но злыми были все, кроме неё. Своими крохотными кедами Ева умудрилась затоптать всё то, что я создавал в себе на протяжении долгих лет. Замок мой полёг под этими крохотными ботиночками, был затоптан и сметён. Возможно, это было ужасно, так как я потерял все то, что так ценил в себе. А возможно, это было и хорошо потому, что я получил шанс построить всё заново. Увидеть мир вместе с ней, её глазами. Почувствовать то, что не чувствовал никогда и поверить в то, во что я никогда и не подумал бы верить, да господи, что может быть лучше! Вместе с ней я начал создавать нового себя. Теперь уже любимого героя этой совершенно безумной сказки. И долгими, томными осенними вечерами я сажал её на подоконник перед собой, и под светом одной лишь луны, что освещала её белоснежную, почти трупного цвета кожу, мы начинали придумывать собственные сказки. Днями напролёт я ждал её, ждал и верил в то, что, когда мы снова увидимся, она обязательно расскажет мне новую историю. Ведь я уже подготовил для неё нечто особенное, если мою жизнь и можно назвать

особенной.

С ней всегда было невероятно тяжело гулять. Рядом с ней я чувствовал, как мои ноги отказываются ходить, а тело так и клонит к ней. А хватка её глаз была так крепка, что невозможно было даже посмотреть в сторону. Ева краля всё моё внимание, и равномерно распределяла по всему своему телу. Её глаза гипнотизировали, погружая тебя в омут самых светлых чувств, они были чем-то неземным и прекрасным. Они были яркими и живыми, смотрящими прямо внутрь тебя. Смотря в них, я постоянно думал: «Вот бы отрезать хоть что-нибудь от неё и спрятать под свою кожу, тогда её частичка всегда будет со мной!». Смотря в них, я хотел, чтобы свет её глаз никогда не померк и светил мне, на моём жизненном пути. Чтобы всякий раз, принимая очередное решение, я мог увидеть её взгляд. Под влиянием её глаз я мог сделать, казалось, невероятное. Я мог пересилить себя и создать то, что прежде не создавал. Заняться тем, что прежде и в голову не приходило. В её глазах я всегда видел свои мечты. Казалось, будто такие вещи, как доброта, честность, любовь и доверие не существовали вокруг меня просто потому, что всё это Ева забрала себе и спрятала в бесконечно мной любимом взгляде.

6

Многие люди ненавидели её просто за то, что такой чело-

век позволил себе существовать. И она отвечала им взаимностью, предпочитая больше проводить времени сама с собой. Она любила, отстраняясь от всех, пойти заниматься любимыми делами, что вы сочли бы за ненужную суету, а близкий ей человек – за милую странность.

Ева любила цветы. По пути домой она обязательно собирала огромную горсть ромашек, роз и того, что росло у подъездов соседних старинных панельных домов. Это было похоже на добычу алмазов в каком-нибудь зарубежном мультике, где среди развороченных камней виднелись идеально чистые самоцветы. А после этого могла сесть перед ними и любоваться часами на то, как странно и аккуратно придумано природой их строение. Каждая прожилка – словно новая ветка метрополитена какого-то неизвестного мегаполиса – пронизывает каждый лепесток, доставляя что-то с виду и не нужное, но на самом деле необходимое. Она умела наблюдать мир, что несомненно было прекрасно и до безумия красиво.

Цветы стояли у неё дома, словно маленькие куклы. Куклы те были нарядные, милые, и каждая в своём платье. Кто в красном, кто в голубом, а кто в сиреневом. И каждая была по особенности красива, находясь рядом друг с дружкой создавали незабываемую картину, которая так и кричала о том, что не все так ужасно в этом мире, ведь есть мы. И с каждой такой куклой Ева обязательно разговаривала и играла. Если бы я верил в реинкарнацию, то бесспорно после смерти хотел

бы стать цветком, чтобы красоваться у её двора, и потихоньку увядать под задорное шорканье её одежд каждый раз, когда она снова будет убегать куда-то далеко, в неизвестность.

Она всегда была немного странной... Нет, не так – супер-странной. Нет, отбитой наглухо. Периодически я видел в ней живое безумие. И самое страшное в её сумасшествии было то, что оно всегда было безмолвно. Тихим кивком Ева соглашалась с любой моей, даже самой безумной затеей.

Будучи детьми, мы постоянно терпели унижения и лишения от взрослых. Когда мы были маленькие – нас обижали большие. И когда мы тоже стали большими – взяли в руки оружие. С лёгкой руки мы разрушали чужие судьбы и тела. Честность – вот наше самое главное оружие, и мы с моей Евой должны были пустить его в ход. Раз уж я держу себя в узде ради честности, закона и справедливости, то и остальные должны.

С моей Евой мы любили курить дешёвые сигареты. Особенно вкусны они были в крови наших обидчиков.

Лёгкий привкус металла в каждой затяжке, и, конечно, молочного цвета дым, окутывавший бездыханно лежащую грязь, что еще недавно была человеком. Ну как сказать человеком, сложно было назвать их людьми. Не хочется гнать на инопланетян или отдельно взятые религиозные сегменты, так что назову их просто выродками, вылюдьями, уродами, да кем угодно, только не людьми. Будто когда-то давно, когда их сердце стало камнем и они осмелились поднять на нас

руку – всё в их и нашей жизни перевернулось. И теперь лишь каменное сердце в виде надгробия возвышалось над кучей свежевырытой земли.

И этим шармом Ева была прекрасна. Она умела заставить человека уйти из жизни, а я лишь ассистировал на этом чудном представлении. Словно тараканы в чашке Петри, запертые со всех сторон незримой стеной – её жертвы сходили с ума. Как кошка, играя с ними, Ева пускала их всё ближе и ближе. Когда-то давно заковав свою душу в металлический обруч – пред ней раскрывали её, оголяя самые тайные уголки. И когда, наконец, жертва становилась к ней ближе она брала самую острую иглу из своего арсенала и хлопала эту нелепую душонку как воздушный шарик. Ева морально уничтожала любого, кто был не согласен с ней. Она прекрасна и страшна в своем непостоянном безумии.

Она не была убийцей, нет, ни в коем случае. Она лишь очищала этот сумасшедший мир от подобной грязи. Я ведь уже говорил, что она любила простоту и технологичность, так ведь нет ничего проще, чем уничтожить то, что тебе и остальным мешает. Ева предпочитала называть это уборкой. Слово, которым называют рутину она окрасила красным цветом и положила в самый центр, на всеобщее обозрение. Мол, посмотрите люди, я права! А еще посмотрите, как пятна крови сочетаются с моими кедами. Не правда ли – технологично и удобно? Когда-то кеды были белыми, но я запомнил их пятнисто-красными. Пугающе красными.

На самом деле я любил её, когда она еще не подозревала об этом. Помню, как увидел её впервые. В тот момент я понял, что, кажется, именно так и выглядит счастье.

Это был почти осенний вечер, август уже сдавал свои права, сохраняя после себя лишь незначительные воспоминания о лете. Не смотря на приятное время года и прекрасную погоду, настроение у меня было не самое хорошее. А точнее, никакое. В тот момент я был просто нерасторопным водителем своего собственного тела, которое пыталось заболеть, предвкушая грядущую осень. Улица огорчала своим видом, дома не наряжены в красивые трещины и сколы, тропинки отвратительно чистые, ни тебе веточки, ни мертвой птицы. Я плыл по воздуху, отрицая всякую надежду на украшение сегодняшнего дня, но тут я увидел её.

Непонятно откуда взявшаяся улыбка вдруг озарила отвратительно жёлтое здание. Она шла мимо. В тот момент я подумал, что самой главной ошибкой в моей жизни было то, что я никогда её не видел. А она что-то искала, гуляя взглядом по кочкам, летящим листикам и случайным прохожим, стесняясь лишь палящих лучиков солнца. Ежесекундное чувство подсказало мне, что нужно срочно идти за ней, или я потеряю всё то, что хотел бы видеть во сне ближайшую жизнь. Красного цвета кеды мелькнули за углом, и я умчался за ни-

ми. Смотрел из-за угла, аккуратно, как мышка. Она шла мимо моего жёлтого здания, мимо красного, опять жёлтого. И вот мы уже стояли на пороге кричащего подъездом дома. Она открыла дверь, а я прошмыгнул за ней. И вдруг она просто пропала, как сквозь землю провалилась. Идя за ней я и не заметил, как пришел ровно туда, куда я и изначально собирался.

Это была квартира одного из моих друзей, где сейчас планировалось устроить вечер в честь местных легенд дружбы и беспробудного пьянства. Я вошел внутрь, поздоровался со всеми и среди незнакомых мне лиц увидел её. Ну как увидел, скорее это был удар током при попытке окинуть взглядом помещение. Сердце сразу заколотилось как сумасшедшее. Она шла в мою сторону, приближаясь с каждой секундой ближе к моему сумасшествию. С каждым её шагом я понимал, что прямо сейчас я готов предать всё и всех, лишь бы узнать о ней ещё чуточку. От её одежды веяло свежестью, а её кожа была нежна и бела. Как только она приблизилась ко мне, то тут же озарила всё вокруг светом своей прекрасной улыбки, пока лишь одним носочком переступив порог моей души. Она улыбнулась мне, а я ей. Она протянула мне руку, представилась, а я споткнулся о ямочки на её аккуратненьких щёчках и упал в бездну безмолвия. Я будто кусок ваты проглотил, так и тянуло сказать всё и сразу, и как можно больше раз. Нужно было немедленно похвалить её внешний вид, её прекрасное лицо и её улыбку. Нужно было сроч-

но рассказать ей, какая она великолепная, неподражаемая и сногсшибательная, пусть, уверен, она наверняка это слышала миллион раз, и от парней гораздо интереснее, чем я. Пусть так, но я-то не говорил! Так и не смог тогда сказать ей ничего, грёбаная вата в горле любой прекрасный комплимент превращала в простые выражения, что пишут одни неинтересные люди другим заурядным людям в переписке.

Через некоторое время я решился и нашел её в интернете. Написав пару сухих фраз мой мозг будто бы глох, как скутер на морозе, но тут-же заводился, как только она писала очередной ответ, в конце каждого проставляя невинную скобочку. Мы долго переписывались, я был далеко от неё. Не помню уже точно, куда меня тогда занесло, но встретить её я там точно не мог, а желание исправить эту ситуацию грызло меня изо дня в день. И вот, наконец, когда пришло наше время мы встретились. Мы смотрели с упоением на виды огней ночного города, я схватил её за руку, под предлогом страха потерять её в этой темноте. Долго бродили по городу, дошли до фонтана, потом до моста, а потом и до места нашего первого поцелуя.

Она была не меньше, чем чудом. Лишь всевышние силы могли свести меня с ней. Она была чудесна во всех своих проявлениях. Вроде и милая, а вроде и недотёпа. Я счастлив, что когда-то давно позвал её впервые гулять, пересилив себя. Это был весьма сложный для меня момент, и я не мог себе позволить даже малейшего послабления. Я искал утеше-

ние во всём вокруг, но подлый мир как на зло ни за что не поддавался мне. Краски были отвратительно серыми, а природа не прощалась с летом, а умирала. Всё, что происходило со мной тогда требовало серьёзных перемен. Мне нужен был глоток воздуха, но я чувствовал себя как на дне огромного котла с оловом. Мне не хотелось дышать и существовать, всё вокруг давило на меня. В тот момент я не представлял себя и дальше беззаботно существующим в этом мире... Ровно до момента, пока в моей жизни не появилась Ева.

О, чудо! Если бы я мог простыми словами передать, насколько я был счастлив. Не могу, не существует еще таких чувств, что пылали во мне тогда, в тот вечер. Я счастлив был каждую минуту, проведенную рядом с ней. Ведь она была самая необычная девочка из всех, что я встречал в своей жизни. Она самая сумасбродная, самая безбашенная и люта-тая, однако при этом она ухитрялась оставаться самой милой и красивой девушкой на планете. Если бы меня попросили описать её в нескольких словах, я бы сказал, что Ева "прекрасна как осень, но приятно-ёбнутая чуть". С момента нашего знакомства не было ещё ни дня, чтобы я не думал о ней. В натуральном смысле, я просто сошёл с ума. В один момент из виду моего пропали все люди вокруг. Все мысли и весь мой мир сомкнулся вокруг неё. Она действительно прекрасный человек. Она прекрасно завоевала доверие моего внутреннего ребёнка. Она действительно прекрасно улыбалась.

Обычно, когда люди говорят, что «их жизнь в одночасье

изменилась» - это преувеличение, но не в моем случае. До встречи с ней, казалось, я жил чужую жизнь. Просто существовал, болтаясь как ложка в стакане, болезненно звеня от каждого удара о борт. Уже почти похоронив себя заживо, на самом краю своей жизни я встретил её, такую острую, жизнерадостную и до сумасшествия красивую. Своим настроением рядом со мной она забрала все то ужасное, о чем я думал до этого. Будто всю клоаку моих дурных мыслей потушили огромным потоком чего-то яркого и вкусно пахнущего, и от такой неожиданности я даже влюбился. Как ребёнок, втюрился.

Она быстро и ёмко рассказала о себе. То, что появилось между нами в тот день – было прекрасно своей спонтанностью. После первой встречи я уже был готов ей верить во всём, может даже подчиняться. Она была одним из тех людей, ложь или личную выгоду в словах, которых ты не видишь и не слышишь, тихо кивая головой.

Через несколько месяцев я уже любовался ей в этой же комнате, при лунном свете. Один лишь этот свет мог поспорничать глубиной её волшебным глазам. Отдельным счастьем для меня было ощущать, словно я приручил эти волшебные глаза, когда Ева, сидя на моих коленях, клала свою голову на моё костлявое плечо.

Она умудрялась находить для меня счастье во всём. Будто ребёнок, только что нашедший для себя что-то новое, моя Ева упоительно мне рассказывала о мире вокруг неё. О су-

ществах, о монстрах и добрейших феях, что живут в каждом, кто окружает нас. Это всё было очень удивительно, я словно смотрел каждый раз серию суперинтересного сериала, находясь рядом с ней. И даже её волосы, что лезли всё время в нос и глаза не мешали этому просмотру, а только добавляли живости картинке.

Приходя домой, после встречи с ней я долгое время не мог уснуть. Я будто и не спал никогда, весь мой мир шатался и крутился вокруг меня, как волчок. Я лежал на кровати и ворочался из стороны в сторону, пытаюсь увернуться от откуда-то появившихся иголок, что кололи меня больно и глубоко при каждой попытке хотя-бы подумать о сне или прилечь немного удобнее. Но утром я вставал всё равно бодрым и свежим.

Ева быстро начала меня посвящать в то, чем она мечтает заниматься. Тот самый дядька с кожей и кисточками, про которого она мне рассказала и был её главной и первой мечтой. Я был так ослеплён ей, что не смел более думать, а просто шёл следом, выполняя все то, что Ева мне скажет. Свершение её главной мечты мы не стали откладывать в долгий ящик и вскоре, волею судьбы, мы встретили того-самого дядьку-художника.

напоминали дорогие одежды. Ну знаете, такие продаются в магазинах типа second hand. И запах этот ещё, толи дешевого моющего средства, толи хлорки. На его голове была прическа в стиле pompadour, а в руке он нёс пенал. Этот аксессуар и таил в себе все его грехи. За его тонкой молнией прятались страшные тайны. Она прекрасно помнила этот пенал... Будучи маленькой девочкой, она впервые и встретила этого парня.

Одним летним вечером Ева играла на улице одна. Стоит отметить, что она с детства любит быть наедине с собой. Разглядывая очередной листок, упавший с дерева, Ева вдруг почувствовала, как к ней подсел молодой человек. Вежливо поздоровался, стал расспрашивать про листик в её руках. Рассказал ей немного о себе, моей прекрасно-юной Еве. Завязался диалог. Говорил он долго и вкрадчиво, всё рассказывал ей про её прекрасную кожу, да про прекрасные натуральные волосы. Детишки любят, когда их превозносят, а ещё больше они любят, когда в их детских чертах видят взрослые, строгие и по-женски красивые черты, пусть и в шутку. Подетски растаяв от его речей, маленькая Ева согласилась пойти к нему домой. В те времена он не выглядел как оборванец, он был похож на художника из детских книжек, потому она и была очарована этим человеком. Хоть и была совсем юна, моя милая Ева, он бесстыдно держал её за руку, глядя в её глаза, рассказывая, как прекрасны сегодня её белокурые волосы. Вот вы думаете, как выглядит маньяк? Это умали-

шенный тип, который внешне напоминает человека, которому выстрелили в лицо из дробовика и всё очень криво заросло. Или же это преследователь, сталкер, что наблюдает за вами издалека. Больной, у которого дома всё увешано вашими фотографиями. Не, отбросьте это. Такое бывает только в кино. Если хотите узнать, как выглядит настоящий маньяк, то по дороге на кухню из своей комнаты посмотрите в зеркало. И там будет отражаться самый опасный маньяк. И самое страшное в нём то, что вы до глубины души любите его, и то, чем он занимается. Он выглядит в точности, как и все люди. Обычный с виду, ничем не примечательный создатель трагедий. И вся твоя жизнь заключается в том, чтобы не дать этому маньяку контроль над телом, ибо, выпустив его, ты получишь слишком много свободы. В каждом из нас есть гадкие вещи, но не каждый в силае рассказать о них, по причине устройства мира. Так уж случилось, что маньячить на улицах нельзя, убийства тоже не приветствуются, да даже под юбку девушке в автобусе телефон с камерой не навёдёшь, нельзя и всё тут. В некоторых местах на планете, кстати, всё это можно. Но там только маньяки и остались, но в месте где нахожусь я – нельзя быть самим собой. Ни в коем случае, иначе ты станешь объектом насмешек, окружающих – в лучшем случае, или очередным прокурорским отчетом – в худшем. Таким был и этот. Он был свободен для себя, но заточён в плену своих ненормальных желаний для остальных. Как и все «ненормальные» для общества люди, он счи-

тал себя пророком. Единственным для себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.